

Из-за чего они в тот раз поругались, вспомнить было невозможно. Наверное, как всегда, из-за ерунды. Ссорились родители часто, но ни до чего серьёзного обычно не доходило. Конечно, на многое она тогда не обращала внимание, всё-таки ребёнком была; что-то забылось; но стиль – стиль этих ссор не менялся, и даже сейчас, почти через сорок лет, она могла бы реконструировать любую.

Начинала всегда мама. Что-то в ней происходило ещё до того, как она возвращалась домой со своей исключительно нервной работы, где была лучшей, незаменимой – в общем, самой главной, в представлении дочери. Такой она была и на самом деле. И как спортсмен на пике формы уязвим для малейшего постороннего чиха, так и мама, с блеском распутав клубок чужих неразрешимых проблем, оказывалась беззащитна перед не вымытой кем-то посудой или полным помойным ведром.

Первым попадал под прицел тот, кто оказывался ближе, неважно кто – она или папа. Голос у мамы повышался до такой головокружительности, которой позавидовала бы любая оперная дива, помойное ведро становилось центром мирового порядка, а тот, кто его не вынес, – воплощением Зла. Слово за словом разворачивалась грандиозная картина рухнувшей гармонии, и если бы за мамой в такие моменты записывать, был бы готовый текст потрясающей художественной силы.

Такому напору дочь противостоять не могла, да и не думала об этом – чувство вины заливало едва возникшее ощущение несправедливости.

Даже собака забивалась в какой-нибудь угол, стараясь свернуться в максимально плотный клубок. Тоже на всякий случай чувствовала себя виноватой.

А папа, конечно, возражал. Его главным оружием была логика. Когда ему удавалось вставлять в мамин темпераментный монолог остроумные реплики, безупречные в своей логичности, Вале он представлялся блестящим фехтовальщиком, этаким д'Артаньяном – выпад, укол, победная улыбка... Но мама была – танк. Танку незачем было стрелять, хватало гусениц. Какое фехтование!.. Здесь ничто не могло помочь – ни фантастическая эрудиция, ни учёная степень, ни лауреатские звания... И папа очень скоро складывал к этим гусеницам бесполезную шпагу, скрашивая шутками очередное поражение. Мама ещё какое-то время дулась, остывала, могла долго демонстративно молчать, но через день-два они снова играли вечерами в шахматы, смеялись, всячески друг над другом подшучивали, и Валя чувствовала себя счастливейшим ребёнком на свете, потому что таких великолепных родителей не было ни у кого.

Такая качельная жизнь вырабатывала специальные навыки, и к шестому классу Валя научилась безошибочно определять настроение, с которым мама возвращалась домой. Чуть прямее линия рта, чуть плотнее сжатые губы, чуть пристальнее взгляд – посторонний ничего бы не заметил, но Валя, как моряк, чувствовала неизбежный шторм и старалась не попадаться на глаза.

В тот раз, наверное, тоже было ведро. Или посуда. Целый вечер, сидя в своей комнате, Валя слышала доносившиеся с кухни крики родителей. Об ужине они и не вспоминали, а ей хотелось есть, но выйти было нельзя – попадёшь под волну, потом вообще будет не до еды. В такой ситуации хорошо делать уроки – и польза, и не придерётся никто, но было лето, каникулы... Она смотрела из окна на вечерний двор с качелями и песочницей и думала, что соседи тоже наверняка слышат эти бесконечные «Ты всегда...» да «Ты никогда...». Рядом на ковре спала свернувшаяся собака.

Лето позволило избежать утренней встречи. Валя каждый раз чувствовала себя ужасно неловко, когда все они после ссоры сходились за завтраком – ели быстро, молча, глядели каждый в свою тарелку. Никаких лишних движений, чтобы, не дай бог, опять не полыхнуло. Но на обед – институт был рядом – папа приходил уже с другим настроением, и они вдвоём с удовольствием уплетали приготовленный мамой суп или жарили картошку – папино фирменное блюдо.

В тот раз он пришёл на обед хмурый. Она разлила по тарелкам борщ, нарезала чёрный хлеб и сало – родственники регулярно присылали с Украины обсыпанные солью белые пласты. Домашние проблемы папа никогда с дочерью не обсуждал. Но тут не удержался: «Что-то мама в этот раз...», и она насторожилась, почувствовала, что ссора какая-то нетипичная. Он сделал усилие и стал шутить, что легче договориться с Америкой об ограничении ракет какой-то там дальности, чем с мамой о домашних делах; сказал, что пора устроить демонстрацию и выйти на кухню с плакатом, – в общем, нёс всякую несмешную чепуху. Ракеты Валу не пугали, а вот домашние демонстрации – очень. Качели раскачались слишком уж сильно.

А вечером папа действительно пришёл с плакатом. На куске ватмана гуашью было выведено *¡No pasarán!* Он прикрепил его булавками к кухонной шторе и стал рассказывать про гражданскую войну в Испании. Было интересно. Он всегда рассказывал что-то далеко выходящее за рамки школьной программы. Оказывается, в СССР много испанцев; оказывается, прославленный хоккеист Харламов – наполовину испанец;

оказывается, когда родители и компания их друзей поют под гитару «Гренада, Гренада, Гренада моя» – это как раз про ту самую войну...

Это была её любимая песня, Валя всегда подпевала. Но плакат всё равно пугал. Мама вряд ли оценит папину интеллектуальную шутку.

Сейчас это выглядит смешно. Расскажешь – кто не поверит, кто посмеётся; скажут, мол, креативненько мужик подошёл к ссоре с женой. Но – так было. Не матерились, не принято у них было, зато креативненько подходили. Об испанской войне нынче знают только люди, обременённые специальным образованием, а так – что там эта Испания? Пляжи, автобусные экскурсии да футбол, причём по телевизору. А ведь если подумать, то и тогда, в семидесятые, слова на плакате вряд ли были понятны многим. ¡No pasarán! «Они не пройдут!»... Но родителям – были понятны. Их друзьям, друзьям друзей – были. Шестидесятники. Интеллигенты. Словечка в простоте не скажут.

Когда слова произнесены, это многое меняет. Но когда они написаны, меняется всё. Может, его что-то особенно задело во вчерашней ссоре, может, количество ссор перешло в качество или расположение звёзд на небе было особенно неблагоприятным – но только папа решил отстаивать свою точку зрения. Ха-ха. Довольно нелепо пытаться доказывать что-то танку.

Хорошо, что она заранее, до маминого прихода, запаслась едой. Принесла в свою комнату бутылку кефира, бутерброды и книжки. Но отвлечься не удалось. Оставалось просто сидеть и ждать, когда накал спадёт. Наконец, заключительным аккордом хлопнула дверь – это папа ушёл гулять с собакой.

В то время ей никогда не приходила в голову мысль, каково это – после жуткой ссоры ложиться в одну постель? Квартира была двухкомнатной, других спальных мест не было. Но всё, что произошло дальше, вытекало именно из этого обстоятельства.

Порванный плакат она нашла утром в мусорном ведре. Ведро вынесла.

Папа пришёл на обед и сказал: «Ну вот что. Я больше так не могу. Маме надо дать время подумать, что происходит. Я ухожу пожить в квартире дяди Саши. Ты со мной?»

Дядя Саша и его жена были лучшими друзьями родителей. Они на всё лето уехали в командировку в Афганистан работать учителями, были тогда такие командировки. До этого таким же образом они побывали в какой-то глухой африканской стране, и эти поездки ставили их на совершенно особую ступень тогдашней социальной лестницы. Ключи от квартиры дядя Саша оставлял папе.

«Ты со мной?»

Шестой класс. Двенадцать лет. Папа – великолепный д'Артаньян, сражающийся с несправедливостью.

Она сказала: «Да».

Быстро собрали какие-то вещи, включая собачью миску и подстилку. Дом дяди Саши был в двух шагах.

Квартира встретила их особым нежилым запахом. Валя много раз здесь бывала. То родители приходили в гости, то она сама забежала к дяде Саше за какой-нибудь книжкой, которой у родителей странным образом не было, хотя уж их-то библиотеке завидовал весь посёлок. На одной стене у дяди Саши висели шкуры, а на них скрещенные копыя и

чёрные африканские маски. Посмотреть бы сейчас – наверное, сувенирная ерунда, но тогда производило неизгладимое впечатление.

Папа дал денег: «Купи продукты и устраивайся. Вечером что-нибудь приготовим». И ушёл на работу.

Она с новым чувством обошла квартиру – такая же двухкомнатная, как и у них. Положила подстилку собаке. Сходила в магазин. Ещё раз обошла квартиру. И тут поняла, что можно брать из книжного шкафа всё, что хочется, – спрашивать-то некого! Жена дяди Саши относилась к книжкам ревниво и часто была недовольна, что тот даёт их Вале. Теперь-то можно начитаться!

До вечера она сидела среди книг, с упоением перебирая тома, и мысль о маме ни разу не пришла в голову. Оставил ли папа ей записку? Это она спрашивала себя сейчас, а тогда перед ней был Вальтер Скотт – целая полка!

Вечером папа приготовил жареную картошку и включил телевизор – начинались летние Олимпийские игры в Монреале. В их семье любили спорт и главные спортивные события смотрели по телевизору всегда. А она ещё и ходила в школьные спортивные секции, меняя их каждый год – не могла никак выбрать, что больше нравится.

На экране бегали, прыгали, плавали олимпийцы, прекрасные, как боги, и в этом было что-то невыразимо настоящее, какая-то правда простой, понятной работы. Неважно, что оставалось за кадром, а в кадре была поднятая штанга и всеобщая чистая радость по этому поводу, и Валя с другой стороны экрана – с другой стороны света! – вместе с атлетом напрягала мышцы и потом кричала от радости. Хотелось, чтобы мир состоял из таких же простых и понятных вещей. Ну, по крайней мере её мир.

Олимпиада оказалась подарком. Показывали её щедро, и от телевизора можно было не отходить. Паузы заполнялись книжками. И ещё надо было днём гулять с собакой.

После первой такой прогулки Валя автоматически пошла к их дому – к их настоящему дому. Потом опомнилась, позвала собаку, которая была уже около подъезда. Собака с недоумением обернулась, но хозяйка есть хозяйка, даже если она шестиклассница. Собака у них была впечатляющая, здоровенный дог, и умение управляться с таким страшилищем добавляло Вале авторитета в глазах одноклассников. На второй день она сразу вспомнила, что надо идти к дому дяди Саши. На третий привыкла.

Как-то, гуляя, встретила своего приятеля по волейбольной секции. Многие летом поразъехались, жизнь замерла, и Валя очень обрадовалась – оказывается, Олимпиады и книжек было недостаточно, хотелось и поговорить. Пойдём к нам, сразу предложила она и тут же осеклась. «К нам» теперь означало не то, что раньше. Замяли для ясности, как тогда говорилось, и сделали ещё кружок по лесу. Приятель ничего не понял.

На четвёртый день она почувствовала всю тоску неопределённости. Константой была только жареная картошка. Папа целый день пропал на работе, а вечером они говорили о соревнованиях и больше ни о чём. Он даже на обед теперь не приходил – ей, мол, надо приучаться к самостоятельности.

А на пятый день она встретила маму. Шла из магазина с авоськой – бутылка молока, хлеб, колбаса, следила, чтобы авоська не чиркнула об асфальт. Когда-то у неё так бутылка разбилась, на тротуаре осталось

маленькое белое море. Вот оттого, что была сосредоточена на бутылке, и не заметила маму, которая шла, видно, с автобусной остановки. С работы приехала. Посёлок маленький, всего несколько улиц, трудно не встретиться. Но, конечно, она бы спряталась, если бы заметила маму раньше. Поздно.

Мама шла по другой стороне улицы и не могла не видеть дочь. Но ничем этого не выдала. Прошла мимо. Повернула к дому.

Валя застыла на месте. Одновременно хотелось и бросится к ней, и спрятаться за кустами – но всё перевешивало страстное желание провалиться сквозь щербатый асфальт прямо с молоком и всей прочей колбасой, чтобы исчезло, исчезло мучительное осознание того, что побежишь к маме – предашь папу, а спрячешься – добьёшь маму. Потому что лицо у мамы было убитое, несмотря на упрямо сжатые губы и устремлённый вперёд взгляд. Проигравшее лицо.

Если бы в те времена был, допустим, какой-нибудь «Фейсбук», можно было бы зайти на её страничку, посмотреть, что делает, о чём думает. Хотя о том, что происходит, она никогда не написала бы. Да и странички никакой у неё не могло быть. Не тот характер.

Валя вошла в квартиру, и африканские маски глумливо усмехнулись ей навстречу. С отвращением посмотрела на серый экран телевизора. Открыла книжку, но строчки расплывались, доблестный рыцарь Айвенго стал картонной декорацией с дыркой для лица, какие ставили на черноморских пляжах для развлечения отдыхающих. Ей было теперь понятно, что имеется в виду, когда говорят «сердце разрывается». У неё как раз разрывалось сердце – она чувствовала, как оно треснуло и разъединяется на две половинки, будто их тянут в разные стороны, и перемычка всё тоньше, тоньше, и невозможно вдохнуть... Надо же, а целых пять дней она ничего не замечала.

Папа вернулся с работы, удивился тишине, посмотрел на дочь и стал искать градусник. Она слышала, как он ходит по чужой квартире, грохочет ящиками, торопливо хлопает дверцами шкафов. Наконец, нашёл. Почувствовав под мышкой холодную стеклянную трубочку, она подумала о годах отработанной последовательности: чай с малиной, аспирин, специальная «болезная» пижама, холодная тряпочка на лоб – десятки приятных мелочей, а утром придёт Викторина Александровна, детский врач, согреет рукой стетоскоп, послушает, засмеётся и скажет: «Ну, это ж разве болезнь! Воспаление хитрости!» – и мама пригласит её попить чайку, а Викторина Александровна скажет: «Ой, в другой раз, меня ещё такие же хитрецы ждут», и после её ухода в воздухе останется какой-то приятно-медицинский запах, а температура сама собой спадёт... Викторину Александровну в посёлке очень любили.

Но в этот раз ничего такого не будет. Потому что сердце скоро окончательно разорвётся и она умрёт. Она подумала об этом вяло, без всякого сожаления.

Папа вытащил градусник и изменился в лице. Он уже не был похож на д'Артаньяна.

«Ты чего-нибудь хочешь?»

«Домой», – ответила она и закрыла глаза.

Здесь провал: она не могла вспомнить – шла сама или папа нёс её на руках? Вряд ли нёс, надо же было ещё собаку вести. И сумка с вещами... С другой стороны, собака у них была хорошо выученная, рядом

шла без всякого повода, а сумку можно было потом забрать. Но – не помнила, и всё. Как открылась дверь? Как мама их встретила? Пустота. Провал.

Зато помнила, как пыталась проглотить таблетку аспирина – горло сжималось от слёз, потому что родители кричали друг на друга прямо в её комнате, и все их слова были очень правильными, и эти-то слова тянули половинки сердца в разные стороны... И, наконец, её вырвало проклятой таблеткой и чем-то ещё, и крики сразу прекратились. «Помириться. Пожалуйста. Помириться», – сказала она. Они засуетились, бросились всё убирать. «Мы уже помирились, уже помирились!» Это было неправдой. Вообще всё было неправдой. Правда осталась в телевизоре: в бассейне, на беговых дорожках, на пьедестале почёта. Там были выигравшие.

Она слышала, что родители всю ночь не спали. Сидели на кухне, разговаривали. Одёргивали друг друга, если повышали голос. По очереди заходили к ней в темноте, меняли тряпочку на лбу. «Спит», – говорили друг другу, выходя из комнаты. Она не спала. Слушала, как стучит сердце. Интересно, когда оно разорвётся, половинки будут стучать по отдельности?

Утром мама сказала: «Скоро Викторина Александровна придёт». Был выходной. Завтрак мама принесла ей в постель, и она ела, а мама с папой занимались уборкой. Ночью, наверное, об этом договорились. Папа мыл окна, мама пылесосила. Иногда, проходя мимо, мама на неё смотрела, и тогда ей хотелось провалиться сквозь постель, так же как вчера сквозь асфальт. Шестой класс. Двенадцать лет. «Ты со мной?»

Они никогда не разговаривали с ней об этом. Проверить, конечно, нельзя, но она была уверена, что и между собой они потом этого не касались. Она никогда не узнает, о чём мама думала пять дней в пустой квартире. Она вообще больше ничего не узнает, потому что нет уже ни папы, ни мамы. Качели давно остановились. В квартире живут другие люди, дом обветшал – старая пятиэтажка, такие только в забытых богом посёлках остались; деревья, которые они на субботниках сажали у подъездов, вымахали до крыши, мешают, наверное, жильцам. Вон на четвёртом этаже окно её комнаты. Рамы пластиковые, тюль. У них на окнах никогда не было тюля.

...Она сидела на качелях рядом с песочницей в пустом дворе своего дома. Порыв ветра взметнул сухой песок, и он осыпался у её ног, как будто где-то на небе разбились невидимые песочные часы.